

УДК: 504.7/574

НОМО NOOSPHERICUS КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖЕНСТВУЮЩЕГО

Цветков А.П.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: tsvetkov1ap@mail.ru

В контексте противоречия между сущим и должным и с помощью ключевых понятий ноосферологии обосновывается идея об острой необходимости актуализации культуuroобразующего идеального образа человека – человека долженствующего – посредством реализации проекта homo noosphericus.

Ключевые слова: сущее и должное, человек долженствующий, homo noosphericus, космизм, антропный принцип.

ВВЕДЕНИЕ

Осознание разрыва между сущим и должным в европейской культуре фиксируется уже в античности – в древнегреческой драме. С одной стороны, в трагедиях Эсхила, ставших предметом эстетического умозрения Аристотеля (катарсис, калокагатия), а с другой стороны, в комедиях Аристофана, в бесстыдно-разрушительном смехе которых были развенчаны боги Олимпа – символы реальности должного, своеобразные «знаки-иконы» истинной реальности. Можно утверждать, что с этого момента формулируется метафизический принцип, согласно которому критически мыслящий субъект, становясь базисной точкой для всей действительности, обретает новое, «несчастное» (термин Гегеля) сознание – а именно: осознание дефицита своей субстанциональности и полноты, то есть Самости. Это событие отображено констатацией Гегеля о том, что «самость есть абсолютная сущность; сущность, которая была субстанцией и в которой самость была акцидентальностью, низведена до предиката» [1, С. 399], то есть до сказуемого суждения.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рефлексия «несчастливого» сознания не могла не вызвать глубинной ностальгии по целостности и полноте собственного бытия, что и обусловило возникновение целой череды идеализированных образов человека долженствующего: «*homo sanctus*» Средневековья, «*homo humanitatis*» Ренессанса, «*homo sapiens*» с его «Великим Восстановлением Наук» эпохи рационализма, «*homo machina*» эпохи Просвещения, «*homo economicus*» Нового и новейшего времени и др. Интересно, что идеальный образ человека долженствующего (вплоть до середины XX века) имел актуальную проекцию не только на настоящее, но, главным образом, на будущее, формируя тем самым своего рода утопическое мышление, продуцировавшее, как минимум, социально и антропологически позитивные проекты лучшего будущего. Это, в свою очередь, естественным образом порождало и стимулировало ответственность человека за своё настоящее и будущее. «*Homo*

moderni», современный человек, на протяжении нескольких десятилетий являлся свидетелем и участником процесса смены классической научной парадигмы – с последующим переходом к целому ряду конкурирующих между собой авторских методологических стратегий. Утопии сменились антиутопиями. В своей книге «Об интерпретации. Очерки по Фрейду» (1965) Поль Рикёр называл Маркса, Ницше и Фрейда «мэтрами подозрений (*maître soupçons*)» [2, Р. 8]. А дело в том, что все трое были убеждены, что за каждым словом любого языка стоит другое, более глубокое содержание, определённые скрытые мотивы: экономические – у Маркса, психические – у Фрейда. Ницше (как и Фуко позже) был более радикален, а по сути крайне релятивен: поскольку сфера интерпретаций, по его мнению, не имеет границ, постольку сам процесс познания есть полем ожесточённой битвы интерпретаторов, где каждый претендует на аутентичность своей версии. То есть, эти мыслители (и подобные «академические звёзды»), вступив в конфликт с другими глобальными интерпретациями феномена человека, сменили классическую парадигму гуманитарного познания (на релятивистскую) и мышления (на антиутопическую), что во многом предопределило кризис сознания европейского человека – оно по-настоящему стало несчастным, утратив императивность позитивного долженствования. Глобальные события XX века, имея в виду не только мировые войны, прибавили в это сознание большую долю трагизма и фатальности. Сегодня акцент был перенесён *на сущее в ущерб должному*, тотальный консюмеризм постепенно становится глобальной идеологией, цивилизация угрожает существованию национальных культур, а их возрастающая унификация чревата *непредвидимыми последствиями для всего человечества*. Подобно тому, как утрата биоразнообразия может привести к исчезновению биосферы (чего опасаются биологи), потеря культурного разнообразия будет в известном смысле означать «конец истории».

Отдельно взятый человек эпохи постмодерна, существенно отставая в интеллектуальном и цивилизационном смыслах от «скорости» развития человечества, в условиях ускоряющегося многократного увеличения информации вынужден попросту «скользить» по поверхности знаков, не имея времени соотнести их с соответствующими значениями, а тем более углубиться в их смыслы. Горизонты интеллектуального и духовного одичания человека, как это ни печально признавать, постоянно раздвигаются. Чтобы максимально избежать отрицательных последствий такого сценария, необходимо задуматься о проектах возможного развития, которые могли бы минимизировать опасный вектор развития. Перефразируя классика, следует сказать, что речь в самом широком смысле должна идти о «Великом Восстановлении Человека», в данном случае о проекте *homo noosphericus*. Проект *homo noosphericus* в контексте учения В.И.Вернадского о ноосфере, без сомнения, может стать средством осуществления так необходимой сегодня актуализации образа человека долженствующего. Ноосферный человек — есть носитель ноосферы, предпосылкой которой является коммуникация сознания с сознанием. Ноосферу поэтому можно представить как глобальную «сеть» этих коммуникаций, как совокупное мыслящее, рефлектирующее себя и понимающее человеческое сознание. Это настолько серьёзно теоретически, что для дальнейшего

осуществления заданного дискурса важно воссоздать некий концептуальный контекст.

Памятуя, что ноогенез явился результатом космогенеза, следует обозначить ключевые и взаимосвязанные понятия ноосферологии: «космизм», «биосфера», «ноосфера», «семиосфера», «концепция Геи» и «антропный принцип». Возникшие в разное время и в недрах различных областей знания, эти понятия связаны между собой и генетически, и предметно, и содержательно, то есть в определенном смысле являются изоморфными и инвариантными. Понимая ноосферологию как частный случай метаантропологии, логично осуществить краткий анализ ключевых концептов ноосферологии, следуя хронологическому принципу. Для наглядности можно предложить упрощенную концептуальную схему вышеназванных ключевых понятий (рис. 1).

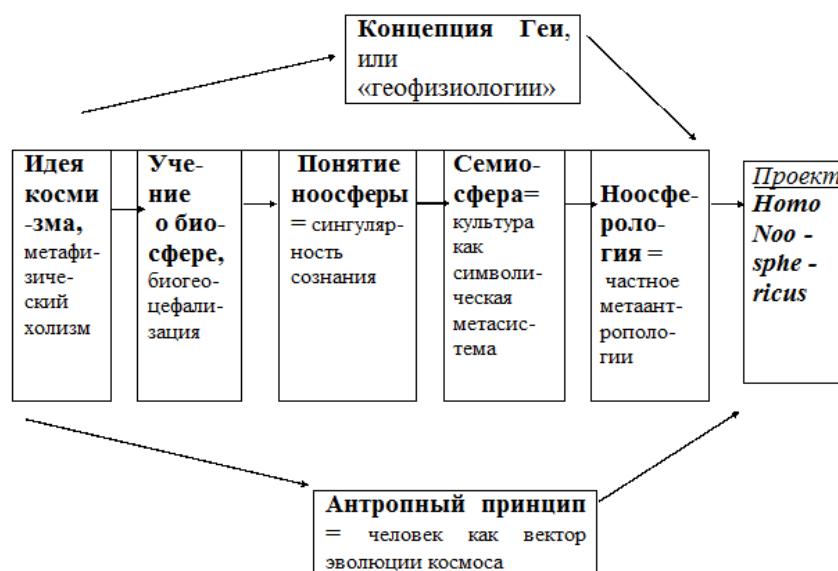

Рис. 1. Концептуальная схема вышеназванных ключевых понятий

Не вдаваясь в подробности космохронологии, отметим, что идея космизма, пережившая в своей истории различные этапы, оказалась особенно плодотворной в период возникновения новоевропейской науки. В России, ставшей родиной научного учения о биосфере и переходе её в ноосферу и открывшей реальный путь в космос, уже начиная с середины XIX столетия, формируется уникальное космистское направление научно-философской мысли, весьма широко развернувшееся в XX в. (Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, Н.Г.Холодный, А.Л.Чижевский и др.). Под космизмом понимается целый поток отечественной культуры, включающий не только идеи философов и учёных, но и поэтов, музыкантов, художников, которые возложили на человека особую ответственность, указав на его высокую и ответственную миссию причастности не только к планетарным, но и к космическим процессам. Именно с Фёдорова,

Циолковского и других мыслителей-космистов в философию и науку входит настоятельное требование преобразовательной активности со стороны человечества как соборного микрокосма, направленной на макрокосм во имя не только гармонизации отношений человека с космосом, но и, главное, совершенствования самого человека – Человека долженствующего. В пределе – сверхчеловека.

В.И.Вернадский в статье «Несколько слов о ноосфере», рассуждая о соотношении понятий биосферы и ноосферы, даёт такое определение итоговому понятию: «Ноосфера - последнее из многих состояний *эволюции биосферы* в геологической истории – состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения её геологического прошлого в некоторых своих аспектах» [3, С.118]. Он был убеждён в том, что соединение достижений науки и производительного труда всего человечества позволят в будущем решить не только экологические, но и социальные проблемы, итогом чего и будет превращение биосферы в сферу качественно нового человеческого разума – ноосферу.

Наиболее полно учение Вернадского о ноосфере и путях её становления изложены в его работе «Научная мысль как планетное явление» [4], где указаны основные условия перехода биосферы в ноосферу, а также такие его признаки, как заселение человеком всей планеты (включая пустыни и зоны Северного и Южного полюсов); резкое усовершенствование международных коммуникаций; расширение границ биосферы и выход в Космос; открытие новых источников энергии; равенство всех рас и религий при полной свободе научной мысли от давления идеологических институтов; исключение войн из жизни общества; устранение угрозы голода, нищеты, болезней и т.д. В общем, можно говорить о некоторой планетарной стратегии выживания, предложенной Вернадским, требующей от нас глубокого «ноосферного» анализа все более усложняющихся планетарных проблем.

Говоря современным языком, ноосфера – это некая сингулярность сознания, то есть расширенное, глобально-обобщающее состояние сознания нового человека, Человека долженствующего.

В проекте *homo noosphericus* неожиданно важное значение приобретает концепция Геи как особая геоантропологическая метафора. Согласно концепции Геи [5], эволюция биоты, то есть совокупности всех биологических организмов, настолько тесно связана с эволюцией их физического окружения в масштабе планеты, что вместе они составляют Нечто - единую саморазвивающуюся систему, которая обладает саморегуляторными свойствами, напоминающими физиологические свойства живого организма. Это Нечто и названо Геей по имени греческой богини Земли (Gaia). Гейя как своего рода самоорганизующаяся система, суперорганизм (сам Лавлок, как и его давняя соратница, биолог Линн Маргулис, впоследствии понятие суперорганизма признали в качестве полезной биологической метафоры) обладает саморегуляторными «геофизиологическими» свойствами, то есть поддерживает целый ряд параметров внутренней среды в относительно стабильном, благоприятном для живых организмов уровне (гомеостаз в любом временном срезе).

По мнению Дж.Лавлока и особенно его соратницы — биолога Линн Маргулис, все организмы, популяции, экосистемы, воздух, почва, скалы являются как бы частями, органами единой симбиотической системы — Геи. Человечество также является членом этой единой сложной многоуровневой симбиотической системы, в которой осуществляется информационный обмен между всеми партнёрами как непосредственно, так и опосредованно, через среду [6].

Превалировавший долгое время антропоцентризм превратил человеческую популяцию в больной орган, живущий по собственным законам, несогласованным с Геей и космосом. Согласно Лавлоку, управлять биосферой, Геей — немыслимая и неблагодарная задача, так как это практически бесконечно сложная система, накопившая «мудрость» циклического многоуровневого эволюционного процесса, длившегося более трёх с половиной миллиардов лет.

Человечество в принципе не может быть менеджером Земли. Мы не владельцы Земли, не пассажиры, не посетители. Жить с Геей – персональная ответственность каждого. Путь выживания человечества связан с коренным изменением стиля жизни, философии, соборного сознания *человека долженствующего* – через признание Геи самоценностью, которая не может быть подчинена человеку. Скорее наоборот, человек должен осознать, что он часть Геи и что здоровье Геи есть и его здоровьем. Необходимо направить усилия людей на изучение и поддержание естественных механизмов саморегуляции и самоорганизации на планетарном уровне. Лучшей из забот человека долженствующего является забота о всей Гее.

Научно-теоретическая часть концепции Геи, то есть геофизиология, очень близка концепции «Биосферы» В.И.Вернадского, особенно в современной её трактовке. (Следует отметить, что в семидесятых Дж. Лавлок ещё не был знаком с трудами великого русского учёного и мыслителя, о чём он с сожалением пишет в своих работах.) В известной мере справедливо утверждение о том, что Дж. Лавлок через полвека переоткрыл «Биосферу». Но он не только переоткрыл, но и развил её, довёл до логического конца, в значительно более явной форме используя традиционную метафору организма. Несмотря на заметное общее сходство, между концепцией биосферы (судя по поздним опубликованным работам В.И.Вернадского) и Геей имеются различия в расстановке определённых акцентов, как в научном, так и в философском плане. Во-первых, Гейя - это, вообще говоря, Земля в целом, а не биосфера. Поэтому Дж. Лавлок не касается вопроса о пространственных границах Геи, оставляя этот вопрос открытым. Во-вторых, концепция Геи выдвинута намного позднее концепции биосферы, в ином социально-историческом контексте, в период быстрого развития экологического кризиса, вызванного в немалой степени бурным научно-техническим прогрессом. Несомненным, однако, является тот факт, что и концепция биосферы В.И.Вернадского, и концепция Геи Дж. Лавлока задают нам образ Человека долженствующего, как бы уточняя и конкретизируя проблемы метаантропологии.

Концепция семиосферы в качестве теоретического факта может быть, на наш взгляд, понята как абстракция от ноосферы и космизма, собственно, как их лингво-семиотическая реминисценция. Семиосфера, по мнению автора этого понятия Ю.М.Лотмана, есть «некий семиотический континуум», который включает в себя

все созданные культурой тексты [7, С. 11]. Под семиосферой Ю.М. Лотман предложил понимать некую протяжённую систему, существующую над всеми прочими семиотическими образованиями и вместе с тем объединяющую их все воедино. Это «некий семиотический континуум», который включает в себя все созданные культурой тексты. «Такой континуум, — подчёркивает Ю.М.Лотман, — мы по аналогии с введённым В. И. Вернадским понятием «биосфера», называем семиосферой. Следует предупредить против смешения употребляемого В. И. Вернадским термина «ноосфера» и вводимого нами понятия «семиосфера»... *Если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер. Это, однако, отнюдь не означает, что понятие пространства употребляется здесь в метафорическом смысле* (курсив мой — А.Ц.). Мы имеем дело с определённой сферой, обладающей теми признаками, которые приписываются замкнутому в себе пространству. Только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации» (Там же, С. 12-13).

Иначе говоря, семиосфера охватывает собой все семиотическое пространство, которое создано посредством семиозиса: семиозис выступает как процесс, а семиосфера — как результат. При этом семиосфера нуждается в «неорганизованном» внешнем окружении и конструирует его себе в случае отсутствия. Культура создаёт не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации. Динамический характер семиозиса не разрушает целостности коммуникационных процессов, поскольку в их основе лежит инвариантный принцип единства симметрии-асимметрии (на уровне языка эта структурная черта была охарактеризована Соссюром как «механизм сходств и различий»). Поскольку этот принцип «имеет структурный характер, выходящий за рамки не только человеческого общества, но и живого мира, и позволяет установить подобие самых общих структур, например, поэтическому произведению, то, естественно, напрашивается вопрос: не является ли весь универсум сообщением, входящим в ещё более общую семиосферу? Не подлежит ли вселенная прочтению?» (8, С. 21). Налицо — очевидная космистская интенция.

Такого рода «прочтение» вселенной возможно, как представляется, через аналитическую реконструкцию текстов культуры, а значит, обнаружение все новых и новых её смыслов. Ю.Лотман в статье "Культура как субъект и сама-себе объект" отмечает: «Фундаментальным вопросом семиотики культуры является проблема смыслопорождения. Смыслопорождением мы будем называть способность как культуры в целом, так и отдельных её частей выдавать на «выходе» нетривиально новые тексты. Новыми текстами мы будем называть тексты, возникающие в результате необратимых (в смысле И. Пригожина) процессов, то есть тексты, в определённой мере непредсказуемые. Смыслопорождение происходит на всех уровнях культуры. Процесс этот подразумевает поступление извне в систему некоторых текстов и специфическую, непредсказуемую их трансформацию во время движения между входом и выходом системы. Системы этого рода — от минимальных семиотических единиц до глобальных, типа «культура как себе-

достаточный универсум», — обладают, при всем различии их материальной природы, структурным изоморфизмом. Это, с одной стороны, позволяет построить их минимальную модель, а с другой — окажется чрезвычайно существенным при анализе смыслопорождения» (8, с. 640). Развитие семиосферы в процессе прогрессивно расширяющегося смыслопорождения можно уподобить образу «расширяющейся Вселенной», поскольку ясно, что «семиосфера современного мира, которая, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и позывные спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность» (8, с. 21). И здесь — явно метафизическая космическая и одновременно метаантропологическая интенция.

С учением В.И.Вернадского о ноосфере и гипотезой «Геи» Дж. Лавлока неожиданным образом может коррелировать сформулированный Б. Картером в 1973 г. так называемый *антропный принцип*, согласно которому мы имеем дело с наличием взаимосвязи между параметрами Вселенной и существованием в ней разума [9]. Согласно сильной версии этого принципа, *Вселенная (и, следовательно, её фундаментальные параметры) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей*.

Следствием методологического развития сильной формулировки антропного принципа стало максимальное расширение границ этого принципа до идеи о том, что Вселенная должна быть именно такой, чтобы в ней на определённом этапе появился человек, то есть она эволюционирует в предустановленном направлении, к главной цели — появлению человека. Этот целеполагающий аспект и явился предметом для многосторонней критики сильного антропного принципа. Основная аргументация такой критики строится на тезисе о том, что *модальность долженствования*, вполне уместная в области этики, не является корректной в области научных принципов, к числу которых Картер и его сторонники относят антропный принцип.

В связи с этим появились коннотативные и ассоциативные суждения критического характера о том, что требование сильного антропного принципа, согласно которому Вселенная должна быть запрограммирована на появление человека, якобы допускает теологическое объяснение, а именно, с опорой на трансцендентные силы. Однако такая критика существенно ослабляется, если сослаться на точку зрения саморазвития, самоорганизации мира (включая идею спонтанности, хаотического раздувания и т.д.), столь же гипотетически объясняющую status quo. Тем более что status quo находится в русле постнеклассической традиции, в которую вступила наука на пороге XXI в. в связи с развитием синергетики, — что явно коррелирует с самим названием сценария «самовосстанавливающейся Вселенной».

Возникают идеи о необходимости создания такой теории антропного принципа, которая включала бы в себя высшую форму материи — сознание. Так, например, выдающийся современный русско-американский физик А. Линде пишет: «Заранее нельзя исключить, что тщательное отмежевание от использования понятия сознания в квантовой космологии является искусственным сужением зоны поиска».

Нетривиальность рассматриваемой ситуации некоторые авторы подчёркивают, заменяя слово «наблюдатель» словом «участник» и вводя такие термины, как «самопознающая Вселенная». Фактически речь идёт о том, действительно ли стандартная физическая теория является замкнутой применительно к описанию мира в целом на квантовом уровне или же нельзя полностью понять, что такое Вселенная, не поняв сначала, что такое жизнь» [10, С. 246]. В настоящее время А.Линде вместе со своими сотрудниками, математически описывая возможность существования множества вселенных, констатирует необходимость присутствия в каждой из них независимого наблюдателя определённого им типа [11, Р. 1-12.].

ВЫВОДЫ

Таким образом, получил своё обоснование заявленный в начале данной статьи тезис о необходимости осуществления проекта *homo noosphericus* – актуализации образа человека долженствующего. Анализ ключевых понятий ноосферологии, таких как «космизм», «биосфера», «ноосфера», «семиосфера», «концепция Геи» и «антропный принцип» позволил выявить и конкретизировать важную метаантропологическую интенцию. Если, например, сильная версия антропного принципа будет признана истинной, а модальность долженствования по отношению к Вселенной окажется верной, это будет означать, что столь же истинной является и модальность долженствования по отношению к человеку — человеку долженствующему. Из этого логически следует, что философская метаантропология (в данном контексте, ноосферная антропология) станет новым, возможно, самым важным этапом в исследовании феномена человека.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Система наук / Г. В. Ф. Гегель. СПб. : Наука, 1992. – Ч. 1: Феноменология духа. – 1992. – 443 с.
2. Ricoeur . De l'interpr tation : essai sur reu / . Ricoeur. – aris : itions u Seuil, 1965. – 533 p.
3. Успехи современной биологии. – № 18. – Вып. 2. – С. 113 – 120.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 271 с.
5. Lovelock J. E. The Gaia Hypothesis / J.E. Lovelock // Gaia in Action. P. Bunyard (ed.). – Cromwell Press, Wilts, 1996. – P. 167 – 184.
6. Margulis L. We are all Symbionts / L. Margulis, R. Guerrero, P. Bunyard // Gaia in Action. P. Bunyard (ed.). — Cromwell Press, Wilts, 1996.
7. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 тт. / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. –
8. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 1992. – 479 с.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера : Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 110 с.
10. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии / Б. Картер // Космология: теория и наблюдения. – М. : Мир, 1978. – С. 369 – 380.
11. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология / А. Д. Линде. – М. : Наука, 1990. – 280 с. (см. так же: Линде А. Д. Раздувающаяся Вселенная / А. Д. Линде // Успехи физических наук. – 1984. – Т.144. – С. 246 – 248.)
12. An rei Lin e an Vitaly Vanchurin, “How Many Universes are in the Multiverse?” arXiv:0919.1589v2.
13. Уилер Дж. Квант и Вселенная / Дж. Уилер // Астрофизика, кванты и теория относительности. – М. : Мир, 1982. – С. 535 – 558.

Цветков О. П. Номо noosphericus як актуалізація образу людини належної / О. П. Цветков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. – Серія «Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія». – 2013. – Т. 26 (65), № 5. – С. 106 – 114.

У контексті протиріччя між сушим і належним і за допомогою ключових понять ноосферології обґрунтовується ідея про гостру необхідність актуалізації культуротворчого ідеального образу людини - людини належної - за допомогою реалізації проекту номо noosphericus.

Ключові слова: людина належна, номо noosphericus, космізм, антропний принцип.

Стаття поступила в редакцію 13. 09. 2013 г.